

13 августа 1937 г.

"ИЗОГИЗ"

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СОВЕЩАНИЯ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ "СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО" И ХУДОЖНИКОВ "ИЗОГИЗа"

<...> Тов. Альтман⁹⁰⁵: Товарищи, это совещание второе, которое мы проводим в столкновении с "ИЗОГИЗом". Первый раз присутствовал один Малкин. Основным недостатком сегодняшнего совещания, мне кажется, является то, что творческих вопросов мы не задели. И поэтому правильный выход – считать это совещание интродукцией к ряду творческих бесед.

Для нашей работы нам нужно поставить два основных вопроса: когда мы говорим – Маяковский и стиль Маяковского, мы упускаем одну вещь. Друзья Маяковского и любители его поэзии были счастливы той высокой оценкой, которую дал Маяковскому тов. Сталин⁹⁰⁶. Как это расшифровать в отношении плаката. Тут мы имеем тот изумительный синтез плакатиста и художника, который проявил себя в области художественной агитации. Не всем дано быть поэтом и художником, но ведь мы не требуем от всех той талантливости, как у Маяковского.

Но мы можем требовать той гражданственности и упорного труда, которые отличают всякий подлинный талант. И разрешите бросить упрек, что богема у нас еще осталась в этом смысле. Под богемой обычно понимают: пару пива, скандал и т.д. Это неверно. Богема выражается в расхлябанности, в большой надежде на наитие художника. Без труда нет вдохновения. В плакате не дожидают работу, не доходят до предельной лаконичности и выразительности. Проблема формы в плакате – есть непосредственно проблема содержания. Мы не отдадим хорошей формы никому. А хорошая форма – есть умелое выполнение глубокого идейного содержания.

Если живописец может импровизировать, то плакатист должен найти кратчайшее расстояние между двумя точками, и это расстояние будет прямая. Проблема синтеза образа и логического мышления больше всего стоит в искусстве

⁹⁰⁵ И.Л. Альтман – ортодоксальный критик, в 1936–1938 гг. главный редактор газеты *Советское искусство*. (Подробнее о нем см. именной комментарий).

⁹⁰⁶ В конце ноября 1935 г. И.В. Сталин на письме к нему Л.Ю. Брик, в котором сообщалось, что книги В.В. Маяковского не издаются и содержалась просьба увековечить память поэта, начертал резолюцию Н.И. Ежову: «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление». В декабре эти слова Сталина были напечатаны в *Правде* и *Литературной газете*. (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)–ВКП (б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о советской культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. Артизов А.Н. и Наумов О.В. М., 2002. С. 271–272).

плаката. А наши теоретики и плакати́сты над этим не думают. Это большое искусство, это политическое искусство.

Посмотрите, товарищи, почему я считаю, что крен только на критику "ИЗОГИЗа" или МОССХа – неправилен. Посмотрите историю большевистской партии и революции. Что означает лозунг? Это означает конкретизацию требования партии при переходе от одной ступени к другой, более высокой.

Я помню плакат "Долой 10 министров-капиталистов". Этот плакат доходил. Потом простой и ясный лозунг "Вся власть Советам!" Всё понятно, всё ясно. Или "Все на Колчака!", "Добьем Врангеля!", "Техника в период реконструкции решает всё", "Главное – в людях, овладевших техникой" и т.д. Каждый лозунг – новый этап, суммирующий опыт предыдущего этапа и дающий нам перспективу. Лозунг большевистский – очень действенен, потому что он правдив. А меньшевики, а буржуазия, а все другие партии – у них все лозунги фальшивы, потому что они искажают действительность.

Следовательно, плакат должен быть не ходульный, не крикливый, антимеркантильный. Следовательно, нам надо понять, что в большевистском плакате нашем есть ряд большевистских лозунгов на каждом этапе. Следовательно, в один плакат нельзя втискивать 10 лозунгов. Он должен отойти от плоского быта, показать перспективу. Вот, что значит решить Маяковского в понимании Сталина. <...>

Тов. Кейль: Товарищи, бесспорен тот факт, что наши плакаты не стоят на должной высоте, которую требует наша страна.

Безусловно, "ИЗОГИЗ" в этом очень виноват. Но виноват не только "ИЗОГИЗ", а качество наших плакатов зависит от трех главных факторов. Во-первых, "ИЗОГИЗ", который издает наши плакаты, "ИЗОГИЗ" является единственной организацией в своем роде, так как других нет. Второй фактор – это творческий союз МОССХ. И третий фактор – это сами художники. Только в связи с этими тремя моментами можно говорить о плакате.

В статье⁹⁰⁷, которая была напечатана в "Советском искусстве", имеется очень много верного, но все-таки, я думаю, что недостатки "ИЗОГИЗа" недостаточно еще освещены. В этой статье речь идет об одном плакате. Я получил

⁹⁰⁷ Речь идет о статье Д.С. Моора и С.Я. Сенькина в газете *Советское искусство* 11 августа 1937 г. под громким заголовком *Мы обвиняем ИЗОГИЗ!* «ИЗОГИЗ – главный издатель плакатов. Но в ИЗОГИЗе издание плакатов не главное дело, – писали авторы. – Плакатный сектор – это самый заброшенный уголок этого издательства. В этом секторе нет даже руководителя. Два редактора <М.Л. Иоффе и Е.В. Поволоцкая> представляют руководство всем плакатным делом страны. <...> С молодыми художниками здесь не считаются, не помогают их росту, со старыми заслуженными художниками разговаривают почтительно при встречах, но критикуют их шепотом в кулуарах. Шепотом говорят редакторы о том, что художники повторяются, что их плакаты отмечены влиянием формализма, но деловой, прямой, большевистской критики, спора по принципиально творческим вопросам организовать некому. <...> В ИЗОГИЗе не бывает творческих отчетов, собраний, посвященных критическому разбору работ, которые помогали бы перестройке, росту и совершенствованию художников. <...> Сотни вопросов, политических и творческих возникают у художников, но остаются без ответа. Это относится и к старшему поколению и к молодым художникам. У нас почти нет новых кадров плакати́стов. Плакатный факультет Полиграфического института влачит жалкое суще-

заказ на плакат, и вышло не так, как должно было получиться. 4 марта в 5 часов вечера я пришел в "ИЗОГИЗ". Мне тов. Поволоцкая и тов. Иоффе предложили сделать плакат для подъема стахановского движения. Несмотря на то, что заказ был дан 4 марта, к восьмому числу предложили его сдать в типографию. Тов. Поволоцкая предложила сделать одного героя с отбойным молотком, девушку с сигнальной лампой и любого рабочего с каким-нибудь инструментом. Я сказал, что это будте не особенно плакатно. Я предложил сделать образ, который подойдет к каждой профессии. Вот я принес два эскиза. Я здесь имею в виду тему о подъеме стахановского движения. Я плакат сделал в три дня. Когда я пришел с плакатом, то я узнал, что Поволоцкая больна. Вместо нее сидел Буров. Начинает говорить о шаблоне в плакате. Он посмотрел на плакат и говорит: "Кейль, это очень шаблонно и, кроме того, это не связано с сегодняшней

ствование. <...> Для того, чтобы иметь представление о том, как работают с молодыми художниками в ИЗОГИЗе, достаточно вспомнить историю всесоюзного конкурса на плакат, посвященный 20-летию Великой пролетарской революции. Конкурс был объявлен в начале мая, срок подачи плаката 1 июля. Пока ИЗОГИЗ рассылал темы для желающих принять участие в конкурсе, срок его истек. Его продлили еще на месяц. Вся работа по организации конкурса свелась в сущности к помещению объявления в газете. <...> Редакторы, консультанты ИЗОГИЗа не побывали ни в одной самостоятельной студии, не помогли ни практически, ни методически. <...> И все-таки в адрес ИЗОГИЗа пришло 270 работ. Здесь их бегло просмотрели, 2 премировали, 2 рекомендовали к печати, а все остальные свалили на склад. Не было ни выставки, ни обсуждения плакатов, художники не получили критической оценки своих работ. Их авторов надо было бы вызвать, привлечь к работе, помочь советом, указаниями, квалифицированной консультацией. Но кто это сделает в ИЗОГИЗе, где всегда "пожарные" темпы работы? <...> Много лет ИЗОГИЗ "ставит вопрос" о полиграфической базе. У него нет ни одной собственной, даже небольшой, типографии. <...> Но даже после того, как плакат вышел в свет, он имеет очень отдаленное сходство с оригиналом. Тусклые краски, нечеткая печать губят рисунок, монтаж, фотографии. Положение на плакатном фронте внушает большую тревогу. ИЗОГИЗ, которому решением ЦК ВКП (б) в 31 году дано монопольное право на выпуск картинно-плакатной продукции, не справился со своими задачами. Он не стал ни идейно-политическим, ни творческим руководителем художников-плакатистов. Он растерял старые кадры и не вырастил новых художников. Старое правление МОССХ также не вело никакой работы. <...> Вследствие этого общепризнанным фактом стало низкое качество плакатов. Нужно немедленно укрепить редакционный аппарат ИЗОГИЗа, предоставить ему наконец собственную полиграфическую базу».

проблемой⁹⁰⁸. А в плакате нужно было показать – стахановское движение ликвидирует последствия троцкистско-зиновьевского вредительства⁹⁰⁹. Одним словом, дело было так, что ...⁹¹⁰ хотел забраковать плакат.

Потом тов. Иоффе пришел ко мне и в нежной форме сказал, что они лучше знают, чем я, что за политическую сторону они отвечают. Затем мне предложили обсудить этот плакат на заводе. Буров предлагал мне принести этот плакат на какой-нибудь большой завод. При трех свидетелях я сделал им следующее заявление: "Я принципиально против того, что вместо «ИЗОГИЗа» вы хотите обсудить плакат среди рабочих. Очень полезно будет, если вы вообще время от времени будете показывать вашу продукцию рабочим, но я принципиально против того, чтобы рабочие обсуждали отдельные плакаты. Но так как этот плакат мой, то я согласен на такое предложение". Представьте себе, что рабочим очень понравился этот плакат. Хочу еще добавить следующий момент. Мне дал Буров три дня, чтобы решить плакат. Я хочу сказать, что этот случай очень характеризует эту практику, как будто я какой-то мальчишка. Я возразил против этого. Нужно сказать, что один человек был с первого момента против этого лозунга – это был я. Товарищ Иоффе пишет: "Это плакат Кейля, а я тут ни при чем". Поволоцкую уже хвалили сегодня. Я тоже хочу её похвалить, но не считаю, что нам нужны такие крепкие силы, чтобы она была среди них не первой, а последней. Иоффе любит свою работу, но он не может работать, он не на месте.

Конечно, тут можно назвать еще ряд моментов. Я повторяю: "ИЗОГИЗ" в очень маленькой мере виноват в этом деле, в большей мере виноват МОССХ. Нужно дать "ИЗОГИЗу" консультантов, может быть, оплачивать их труд, но чтобы эти консультанты менялись каждые 3–4 месяца. Среди них должны быть старые мастера и молодые. Тогда будет обеспечен товарищеский подход, демократический подход. Нужно также устроить нечто вроде кружка для художников, где освещать актуальные вопросы. Это также дело МОССХа. Вы все помните, что недавно, когда были перевыборы <правления> МОССХа, в резолюции была такая фраза, что МОССХ прошел мимо вопросов социалистического реализма. Это главная вина МОССХа. Как реагировал МОССХ на дело

⁹⁰⁸ Подразумевается самая актуальная для того времени *проблема* – поиск шпионов, врагов и вредителей в ходе прокатывающейся по всей стране волны широкомасштабных чисток и массовых репрессий, подхлестнутых решениями *февральско-мартовского* пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. (См. также примеч. 637 и 777).

⁹⁰⁹ В августе 1936 г. в Москве прошел сфабрикованный НКВД судебный процесс по делу так называемого *Троцкистско-зиновьевского объединенного центра*. Главными обвиняемыми выступили политические оппоненты И.В. Сталина, бывшие члены Политбюро ЦК ВКП (б) Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, обвиненные в терроре, убийстве С.М. Кирова, подготовке покушения на И.В. Сталина и других вождей. На суде Зиновьев, Каменев и остальные обвиняемые полностью признали свою вину, за что им ранее было обещано сохранить жизнь. Однако сразу после закрытия процесса все они были расстреляны. Данным процессом Сталин давал понять всем, что отныне всякая внутривнутрипартийная оппозиция становится тяжчайшим государственным преступлением.

⁹¹⁰ Здесь и ниже отточие вне острых скобок – отточие документа.

плакатного конкурса? Никак. Наша задача будет – очень энергично требовать от нашего правления, чтобы оно этим делом заинтересовалось.

Очень часто приходится слышать, что такой замечательный автор, как Дейнека не работает. Он очень много работает, любит плакаты и свою работу, но МОССХ не смотрит на плакатистов как на художников.

Товарищи, если наши оригиналы и плакаты будут такие, что разные музеи будут драться за наши плакаты, тогда и Дейнека будет работать.

Тов. Радаков: Столько уже наговорили, и всё это так давно известно, что мне сказать нечего. Нас законтрактовали, обещали замечательные условия, а уже через четыре месяца Ротов, Ганф и другие разбежались. Дело прежде всего в отсутствии редакторов. Товарищ Моор сказал: "Надо любить художников, чтобы не было текучести кадров". Другой сказал: "Не надо рвать оригиналов", – это тоже правильно. Какие еще конкретные выводы? Я не вижу здесь Малкина. Я не вижу, чтобы удовлетворяли наши требования. О чем мы сейчас говорили? Об этом мы говорили шесть лет. Конкретного заключения я не вижу. Мучения, которым нас подвергали – неопишутемы. Это хождение по мукам. Сколько плакатов погибло, сколько над нами издевались, не платили нам: я сам обращался в суд три раза.

У вас была истеричная женщина – Бабаева. Когда ей приносили плакат, она говорила: "Плакат замечательный". Потом я успевал доехать до дома, а это продолжалось минут двадцать, и мне уже звонили по телефону и просили прийти исправить фигуру. А пока я приезжал обратно, плакат бывал уже забракован. Мне говорили, что он нарисован безграмотно. Что же нам делать? Я делаю плакаты, но в "ИЗОГИЗ" с ними не хожу. Я боюсь его как огня. И все его боятся. Это "Дантов ад". Входишь туда – коридор, пишущие машинки, барышни какие-то носятся, а где-то вдалеке бредет истощенный художник, уже измученный⁹¹¹.
<...>

⁹¹¹ Смелый тон выступления А.А. Радакова и его сарказм по отношению к издательству (невзирая на атмосферу 1937 г.) позволяют судить о том, что критика ИЗОГИЗа в среде художников и творческой интеллигенции была давней и вполне привычной. Интересно в связи с ней вспомнить фельетон И. Ильфа и Е. Петрова (за подписью *Холодный философ*) под названием «Саванарыло», опубликованный впервые 23 октября 1932 г. в *Литературной газете* в рубрике *Уголок изящной словесности*. «Странный разговор велся в одной из фанерных комнат "ИЗОГИЗа". Редактор: Дорогой Константин Павлович, я смотрел Ваш плакат... Одну минутку, я закрою дверь на ключ, чтобы нас никто не услышал... – Художник (болезненно улыбается). – Редактор: Вы знаете, от Вас я этого не ожидал. Ну что Вы нарисовали? Посмотрите сами! – Художник: Как что? Всё соответствует теме "Больше внимания общественному питанию". На фабрике-кухне девушка-официантка подает обед. Может быть, я подпись переврал? (Испуганно декламирует): "Дома грязь, помои, клоп – здесь борщи и эскалоп. Дома примус, корки, тлен – эскалоп здесь африкен". – Редактор: Да нет... Тут всё правильно. А вот это что, Вы мне скажите? – Художник: Официантка. – Редактор: Нет, вот это! Вот! (Показывает пальцем). – Художник: Кофточка. – Редактор (проверяет, хорошо ли закрыта дверь): Вы не виляйте. Вы мне скажите, что под кофточкой? – Художник: Грудь. – Редактор: Вот видите. Хорошо, что я сразу заметил. Эту грудь надо свести на нет. – Художник. Я не понимаю. Почему? – Редактор (застенчиво): Велика. Я бы даже сказал – громадна, товарищ, громадна. – Художник: Совсем не громадная. Маленькая, классическая грудь. <...> Какой же величины, по-вашему, должна быть грудь официантки? – Редактор: Как можно меньше. – Художник: Однако я бы уж хотел знать точно.

Вот у Моора были прекрасные плакаты, а где они? Что ему делать, как работать? На плакат у него уходит два дня, а на бегание целый месяц. Понятно, что люди отходят от этого дела, идут в газету, в Детский театр, как я, например.

Пока не будет нормального отношения к художнику-плакату, ничего не получится. Все говорят о принесенном плакате, что он замечательный, и вдруг находится какой-нибудь идиот, который говорит, что ему нос не нравится, и все за ним это повторяют. Вот в том-то и дело. Хорошо, что сюда принесли бутерброды, а если бы не принесли, я давно бы ушел.

Надо организовать мастерскую, надо базу дать. У каждого из нас найдутся прекрасные плакаты, найдутся великолепные темы. Ведь мы же советские люди. Я журналист уже 35 лет. Неужели мы не придумаем настоящую советскую тему, большевистскую? Придумаем. Но вот в "ИЗОГИЗе" сидит парень, специалист. Он Маркса прочел и Энгельса и считает, что он умнее всех и требует от нас знать, что написано на 20-й странице "Капитала" Маркса. И вот он считает себя умным человеком, бракует наши плакаты. Эх, о чем вообще говорить?

Тов. Альтман: Конечно, это упрощение, если редактор требует знать 20-ю страницу "Капитала" Маркса.

Тов. Радаков: У меня книжка лежит об искусстве – Маркса, Энгельса и Ленина. Всё то, что нас касается, мы знаем. Он мне дал задание, этот молодой человек, поместить на плакате три страницы, написанные на пишущей машинке. Я постарался, конечно, поместить, впер туда их. Тов. Дейнека сказал, что это очень пестро. Потом даже кто-то сказал: "Давайте продолжение плаката".

Я только охарактеризовал Ваше учреждение.

Тов. Альтман: В общем, программа позитивная – нарисовал, давай деньги на бочку и кончено.

Тов. Радаков: Я бы хотел, чтобы нас уважали, чтобы мы наше учреждение уважали, чтобы была хорошая редакция. Где сейчас та блестящая плеяда плакатистов, которая выступала в революцию? Я уже не говорю о художниках, но в плакатах мы не видим интересных тем.

Тов. Мизин: Мне бы хотелось сказать о некоторых вещах психологического характера. Сделать плакат, конечно, очень трудно, а тем более – хороший плакат. Это всё равно – как бы придумать новую поговорку. Вот, если бы сидящим здесь товарищам сказать: "А, ну-ка, поговорку в трех словах скажи". Уверен, что никто не скажет. Художник, сделавший 20–30 плакатов или даже десять, имеет всегда небольшой процент удачных плакатов. Я бы сказал, что удачных может быть обычно не больше, чем 10%. Если он имеет какой-то процент удачных плакатов, то он, безусловно, должен чувствовать себя удовлетворенным

– Редактор (мечтательно): Хорошо, если бы совсем не было. <...> До свиданья, дружочек! Одну секунду. Простите, Вы женаты? – Художник: Да. – Редактор: Нехорошо. Стыдно. Ну ладно, до свиданья... – И побрел художник домой замазывать классическую грудь непроницаемой гуашью. И замазал». <...>

от того, что у него что-то получилось. Это удовлетворение должно быть поддержано не только само в себе, но кем-то со стороны. К этому делу должно быть привлечено общественное внимание. МОССХ и "ИЗОГИЗ" – вот две организации, где болтается художник. В МОССХе между тем смотрят на плакати-ста, как на приживалку, и этот Плакатный сектор – это какая-то старушка, кото-рая живет на чердаке и никто, кроме самих плакатистов, её не уважает.

Ведь художественная общественность – это не 30 человек плакатистов. Это 700 человек художников, и очень часто я слышу от уважаемых художников, что плакат – это ругательное слово. Каждый художник, работающий над плакатом, не считает это своей основной профессией. У него есть еще и другие виды про-фессий, наиболее у него уважаемые. Если художник – живописец и делает еще и плакаты, то он, безусловно, больше доволен двумя–тремя этюдами, которые он сделал во время летней поездки, которые привлекают большее обществен-ное внимание, чем очень хороший и бодрый плакат.

Я скажу о себе. Я не такой хороший плакатист, который снимает звезды с неба, но мне это дело нравилось и были у меня мысли насчет этой работы. И, несмотря на то, что потратил много энергии, голова у меня начинала сохнуть после двух–трехлетней плакатной работы. Я пошел во Всекохудожник и сказал, что хочу поехать в Сванетию. Мне дали 2000 рублей деньгами и я поехал туда на два месяца с выездом к морю, а потом сделал несколько картин, возвратил взятую сумму денег. Поработал и получил удовольствие, а в "ИЗОГИЗе" я та-кого удовольствия не получал. Самые удачные мои плакаты замотали.

Мы просили бы редакцию "Советского искусства" привлечь внимание обще-ственности к этому делу. Общественное мнение художников все-таки очень ценно и полезно. Надо наконец сказать – плакат это искусство или не иску-ство? Мне гораздо приятнее быть живописцем, чем плакатистом, потому что со мной считаются. Будучи плакатистом, я не имею к себе уважения, привилегий и т.д. Как только я начинаю писать живописные панорамы и т.д., про меня гово-рят – способный парень и вообще, говорят, художник. А у нас в МОССХе так получилось – если у тебя гармонические краски, значит, ты живописец, а если красок нет, значит, ты какая-то бездарность.

Как-то не хочется даже в "ИЗОГИЗ" заходить. Идешь по Цветному бульвару, а вместо того, чтобы зайти туда, заходишь в цирк⁹¹². Действительно, страшно тяжело бывает. Работа удачная иногда получается, но она замученная выходит оттуда. Есть же факты, что художники плакали на собраниях – до того их заму-чили. Нужно относиться к художнику так, чтобы им дорожить.

Тов. Каневский: Я бы хотел сказать о более практических вещах. Первым долгом – напрасно сегодня весь огонь был сконцентрирован на "ИЗОГИЗе". Не он один решает дело подъема плакатов, и не в том дело, что мы переменили несколько редакторов. От этого дело не улучшится. Дело в самих художниках.

⁹¹² Редакция "ИЗОГИЗа" размещалась в доме 25 по Цветному бульвару, а цирк – в доме 13.

Этот отряд художников находится в заброшенном состоянии. Никто ими не занимается. Занимаются только одной стороной – их продукцией.

Представьте себе такую аналогию: скажем, завод вырабатывает бутылки. Но если вы ему не подвезете своевременно сырье, как в таком случае он будет работать?

Вот, мы пришли к вам на совещание вообще без плакатов. Вот, сегодня надо об этом сырье для художника поговорить. И в МОССХе тоже существует такое отношение к художнику-плакату. Отвратительное отношение к художнику-плакату со стороны живописцев. А смотришь, какой-нибудь живописец – шлепает, мажет красками, и он еще допускает возможность подозрительно относиться к плакату. Т.е. отсюда и делается погода. Потому об этом художнике забывают, его обходят, он не получает условий для своего роста. И что же получается? Что художники-плакаты, которые являются в основном политическими художниками, острейшими художниками, работающими на острейшую тематику, они на сегодня выглядят политически довольно малограмотными людьми. Они в "ИЗОГИЗе", в МОССХе, в профсоюзе, во всех тех точках, коих художник может касаться, не имеют никакого веса и никто ими не интересуется. Ну, например, такие интересные явления, как полет в Америку⁹¹³, как парад на Красной площади, как канал Москва–Волга⁹¹⁴. Огромнейшие события. На плакатах эти события не находят своего отражения. Художник никогда в глаза канала не видел. В лучшем случае художник получает фотографию, но никто не позаботится о том, чтобы художник посмотрел оригинал.

Потом возьмите другую сторону дела. Просто художник не участвует в жизни, которая от него требует большой работы, он эту жизнь не показывает.

Тут говорили о консультациях. Я бы сказал, что этого мало. Нужна политическая консультация на месте. Скажем, консультация на канале Москва–Волга. Надо поговорить на самом канале, познакомиться с ним, познакомиться с народом. Везде, на любых местах.

Это "ИЗОГИЗу" нужно запомнить, потому что предстоит целый ряд событий и вы должны заняться этим вопросом не на словах, а на деле. Выходит, что

⁹¹³ Имеется в виду сверхдальний перелет (9130 км за 63 ч. 25 мин.), совершенный 18–20 июня 1937 г. на самолете АНТ–25 советскими летчиками В.П. Чкаловым, Г.Р. Байдуковым и А.В. Беляковым по маршруту Москва – Ванкувер (США) через Северный Полюс. Этому событию были посвящены десятки плакатов. (См. ниже примеч. 1099).

⁹¹⁴ Строительство канала *Москва-Волга*, начатое в сентябре 1932 г., было как раз закончено в июле 1937 г. Грандиозное сооружение общей протяженностью 128 км, включающее в себя 11 плотин, 11 шлюзов, 8 гидроэлектростанций, 5 насосных станций, 8 заградительных ворот, 15 мостов, 2 туннеля, водоспуски и прочее, официальной пропагандой было объявлено одной из ударных строек второй пятилетки. Практически с самого начала (с октября 1932 г.) строительство постановлением СНК было возложено на ОГПУ и с низу до верху осуществлялось силами заключенных советских исправительно-трудовых лагерей. Хотя канал в 1937 г. и был построен, он не стал судоходным из-за мелководья, поэтому десять лет спустя его достроили, а в канун празднования 800-летия Москвы переименовали в канал *имени Москвы*.

художнику приходится высасывать всё из пальца, а пальцев только десяток. Мало этого.

Тов. Радаков: И то все халтурой заняты.

Тов. Каневский: Мы говорим о социалистическом реализме, о символизме, но всё это идет не по линии плакатов. Плакаты это никак не задевает. Бывает, посредственный художник масляными красками работает, на него ориентируют публику, его расценивают по материалу. А на художника – хорошего плакатиста внимания не обращают. Вот на этот вопрос нужно обратить внимание первым делом. Сейчас в "ИЗОГИЗе" плохие плакаты. Как они добиваются плохих плакатов? Берется лист бумаги, берется художник. И вот на этот лист бумаги требуется по крайней мере 44 темы уложить, высказаться по 44 вопросам.

Тов. Альтман: А между прочим, закон плаката – это один вопрос. Мы говорили об этом на прошлом собрании, когда обсуждали вопрос об испанском плакате. Не надо быть специалистом, чтобы не видеть влияния нашего плаката.

Тов. Каневский: И вот там происходит такая игра. На этот лист нужно накидать как можно больше. Если кто-нибудь увидит, что там чего-то нет, значит ничего на плакате не получается, а втискивание в этот лист – это противоречит закону плаката. Это не плакат. Вот это один из секретов того, почему плакат убивается на месте. Потом еще один способ существует. Это ориентация на такой благополучный плакат. Берется средний плакат, чистенько сделанный, безобидный такой, гладенький плакат, считается, что на него будут смотреть. Какой же это плакат? Рисунка никакого, а если есть рисунок, то только для художника. Потом еще – в "ИЗОГИЗе" почти нет хороших плакатов. План составляется на год вперед и там выписаны наперед все темы, которые "ИЗОГИЗ" будет делать в текущем году. Ясно, что туда не попадают самые горячие темы, так как их не могут заранее предвидеть.

Тов. Поволоцкая: Товарищи, я хочу начать вот с какого вопроса. Здесь говорили, что у нас нет планомерной работы с художниками. Это правильно. Но мне думается, что надо не только констатировать факты, а и думать, почему это происходит. Я думаю, что основные причины – те плакатные планы, которые у нас имеются. Ведь доказано, что одним из вредительских действий Томского было снижение интереса к вопросу плаката, и вторым – срыв и разрушение цветной полиграфии. Не было приобретено ни одной новой машины, старые типографии разрушались. При ремонте над машинами специально проводились какие-то трубы, из которых капало на машины, что портило продукцию и т.д.

Моор правильно говорил относительно того, как ходили к Томскому и ничего от него не добились. Первое, что он сделал – это снижение количества плакатов. В первом основном плане на 1937 г. было предусмотрено 66 плакатов – количество чрезвычайно мизерное для страны. Кроме того, если говорить о работе художников, то как я понимаю планомерную работу. Надо иметь план, созывать людей, поговорить со всеми с тем, чтобы художник мог иметь план работы и чтобы редактор не натаскивал его, а он мог творчески подготовиться.

Редактор может помочь ему, и МОССХ тоже. А МОССХ абсолютно ничего не делал и не делает.

Неправильно будет говорить, что мы не ведем работу с художниками. Работа с ними ведется.

С места: Работу ведешь только ты.

Тов. Поволоцкая: Что значит – я? Я являюсь коммунистом, которого послали на определенный участок. Не всякий может работать на этом участке. Вы должны тоже воспитывать редакторов. Моор мне очень помогал, а другие не помогают. Соавторство между редактором и художником должно заключаться в том, чтобы редактор настолько продумывал тему, чтобы она складывалась у него в графический образ, хотя это не обязательно для художника. Редактор должен уметь художника заечь на эту работу, объяснить тему. А объяснить тему можно тому, кто подготовлен. Отдельная работа над плакатом возможна тогда, когда будет вестись систематическая работа по повышению политического уровня и художника, и редактора. Плакатист – мастер агитации, человек, которому доверяют огромное дело. Он передовой агитатор партии.

Роль МОССХа заключается не только в том, чтобы доставать квартиры, хотя и это необходимо. Художник должен расти, и в этом отношении нам должна помочь печать. Мы находимся в нехорошем положении. Правильно сказал тов. Альтман, что печатают ряд наших плакатов, а "Союзфото" их клиширует⁹¹⁵. Но мы не слышим слова критики об этих плакатах. Художники работают на случайных отзывах. Должна быть планомерная, организованная критика. У нас был такой случай, когда мы позвонили тов. ... и попросили дать оценку творчества отдельных наших художников – молодых, растущих людей. А он ответил, что это люди, которые только могут из книги перерисовывать. Это характеризует отношение к плакатисту не как к художнику. Я вижу, что сейчас этот вопрос ставят серьезно, и думаю, что такие вещи не будут повторяться. Мне жалко, что не позвали сюда живописцев. Даже среди живописцев-коммунистов есть недопустимое отношение к плакату, как к второстепенному виду искусства, даже не искусства, а как к какой-то прикладной вещи.

Тут получается такая вещь, что трудно работать над плакатом. Те художники, которые работают на плакате – мы мало о них заботимся. В "ИЗОГИЗе" художник должен быть центральной фигурой. Этого там сейчас нет. Вопросы политического и художественного порядка поставлены недостаточно. Это вина "ИЗОГИЗа", а в еще большей степени – МОССХа.

Следующий вопрос – финансового порядка. Плакатистам платят очень мало – 1500–2000 рублей, в то время как он за рисунок получает тысячу⁹¹⁶. А пла-

⁹¹⁵ То есть, плакаты подготавливаются для последующего их воспроизведения в газетах и журналах.

⁹¹⁶ Хотя в 1937 г. официальная статистика не давала информацию о дифференциации оплаты труда рабочих и служащих, ограничиваясь средними показателями, отметим для сравнения, что, например, среднемесячная заработная плата инженера на заводе составляла 1500 руб. в месяц, директора –

кат сделать труднее, чем рисунок. Во-вторых, очень плохие условия у художников, и в отношении мастерских, и т.д. У нас этих мастерских нет. МОССХ, в котором сидят в основном живописцы, умеют это дело представить так, как будто они не нужны. Моор работает в таких условиях, что это просто позорно, в маленькой комнате, там же жена, там же дети, за одним столом и работают, и едят. А ведь это заслуженный деятель!

Для того, чтобы добиться квартиры Каневскому, нам пришлось очень долго хлопотать. Отношение просто отвратительное. Обращения в Комитет <по делам> искусств⁹¹⁷ тоже ни к чему не ведут. Относительно того, кто разбежался из "ИЗОГИЗа". По существу, таких нет. Не работает только Радаков – за пять лет я его видела в "ИЗОГИЗе" один раз.

Дейнека не работает. Разговариваем мы с ним по крайней мере каждый месяц, даем ему интересные для него темы – живые, спортивные. Но он боится делать плакат, потому что это трудно, потому что легче нарисовать пейзаж и картину – в смысле политической остроты, конечно.

У меня есть отзывы рабочей аудитории о плакате. Вообще они правильны. Со стороны массовой аудитории большие требования предъявляются вот к чему. "ИЗОГИЗ" не издает массовых картин и поэтому часто массовая аудитория подходит к плакату, как к картине. В деревне висит иногда наш плакат, но зато всюду висит "Гора Афон", потому что эта картина хорошо сделана. У нас странный консерватизм в отношении формы плакаты. Нам необходимо делать такие вещи: скажем, дать наши массовые народные песни в форме лубка. Это нужно сделать как народный лубок, а не как сытинский лубок⁹¹⁸. Есть целый ряд таких товарищей, которым не дают командировок. Нет возможности этого добиться. Подходят к этому вопросу узко утилитарно.

Еще одна важная вещь: правильно ругают, что нет политической работы и т.д. Правильно говорили относительно командировок. Дикая вещь, что у нас

2000 руб., столько же получал рабочий-стахановец; зарплата рядового квалифицированного рабочего была примерно 150–280 руб. в месяц. А.Г. Стаханов заработал только за одну свою ударную смену 31 августа 1935 г. 200 руб. (См., например: *Журавлев С., Мухин М.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии. 1928–1938 гг. М., 2004. С. 60–67).

⁹¹⁷ Комитет по делам искусств (КПДИ) при СНК (с 1946 г. при СМ) СССР был образован по постановлению СНК 17 января 1936 г. для осуществления руководства всеми учреждениями культуры и искусства: театрами и другими зрелищными предприятиями, киноорганизациями, музыкальными, художественно-живописными, скульптурными и т.п. учреждениями, учебными заведениями, готовившими кадры работников искусства. Одним из его подразделений являлось Главное управление учреждениями изобразительного искусства (Главизо). В марте 1953 г. функции КПДИ (вместе с Главизо) были переданы Министерству культуры СССР. В связи с реорганизацией в 1957 г. Главизо стал называться Отделом изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР.

⁹¹⁸ Издательское товарищество *И.Д. Сытин и К^о* в середине 1880-х гг. стало монополистом лубка на русском книжном рынке, так как первым начало изготавливать лубочные издания машинным способом, значительно улучшило их качество (применив хромолитографию в пять-семь красок), разнообразило содержание и увеличило их тиражи, снизив розничные цены. Его стараниями был создан так называемый *новый лубок*, который по своему рисунку, характеру оформления, цветовой гамме отличался от традиционных листовых изданий. (См. также примеч. 1047).

художник, например, Говорков, который очень хорошо работал, никогда не был в колхозе. Он плакатист, и поэтому никто не дает ему командировок.

Почему у нас хорошие плакаты не рождаются? Потому что нет заботы о человеке, потому что не умеют разговаривать с человеком, не умеют дать настоящий, реалистический типаж.

Относительно того, как работают редактора. Я могу на себя принять, на свой счет, но должна сказать, что я была, действительно, в таком замотанном состоянии, что ничего не могла придумать как следует, не могла дать хорошей тематики. Неправильно <сказали>, что дают только лозунг. Тут можно иногда и ошибиться. Надо поправлять себя и, конечно, нужно иметь дело с художником и нужно вместе работать. Редактор тоже должен творчески мыслить. Но я иной раз ничего не могу придумать. Не знаю, может быть, мне надо перейти на другую работу, либо отдохнуть.

Тов. Альтман: Разве правильна та точка зрения, что редактор должен давать не только общий лозунг, но еще и разжевывать. Не является ли это следствием того, что у нас нет достаточной связи с художником. Был ли у Вас случай, чтобы Вы утром прочли передовую в "Правде" и у Вас появилось желание вдруг заговорить со стахановкой?

Тов. Поволоцкая: такие случаи есть. Вообще это очень интересная тема. Мы слушали вместе с Каневским речь Сталина и в процессе слушания у него появился ряд тем.

Тов. Альтман: Почему в "Гослитиздате", когда бывает даже неплохая рукопись, устраивают творческие собеседования? Почему бы Вам не устраивать такие собеседования? Вот, с Погодиным⁹¹⁹ был такой случай. Он принес одну вещь, но ему сказали так: "Мы тебя любим, Николай Погодин, но пьеса твоя во всех отношениях плохая". Он ходил три дня в трансе и через две–три недели пришел и сказал, что будет писать дальше. Почему бы Вам не завести такую традицию, тов. Поволоцкая, не устраивать такие творческие дискуссии?

Тов. Поволоцкая: В последнее время мы ряд вопросов обсуждаем на художественном совете. Но, я думаю, у нас не может быть такого положения, чтобы мы обсуждали определенного художника творчески. Я думаю, что мы должны взять продукцию того или иного художника за год. Тут надо подходить критически. Я бы хотела, чтобы мы вместе с вами осуществили это дело. Мне кажется, что МОССХ не совсем понимает свои задачи.

Плакаты раскупаются, но их раскупают клубы и учреждения, но было бы хорошо видеть плакаты на улице. Кто должен этим заниматься?

Тов. Альтман: Советский муниципалитет. Районный Совет должен иметь определенный бюджет и он должен расклеивать плакаты на улице. И я думаю, что Моору будет приятно увидеть свой плакат на улице.

⁹¹⁹ Погодин (Стукалов) Николай Федорович (1900–1962) – прозаик, драматург, один из основоположников советской соцреалистической пьесы, выдвинул новый образ «положительного героя» – «обыкновенного» человека советской эпохи, для которого самый героизм стал будничным явлением.

Тов. Поволоцкая: Что мы сейчас начали делать. В однодневном доме отдыха в Парке культуры⁹²⁰ мы организовали постоянную выставку. Отвели отдельный павильон, и там имеется 26–30 плакатов. У нас пройдет вместе со стахановцами просмотр плакатов. Мы бы хотели, чтобы МОССХ помог нам это провести. Сенькин говорит, что мы теперь будем вместе работать. Это неплохо, но нужно всю общественность привлечь к этому делу. Нужно привлечь к этому делу художников. Тов. Крылова заявляет, что это дело только Плакатной секции МОССХ, а я считаю, что МОССХ не для того существует, чтобы контролировать "ИЗОГИЗ", а нужно выявлять недостатки "ИЗОГИЗа", помогая ему в правильных начинаниях. Я думаю, что это те начинания, которые будут иметь место со стороны МОССХ, и мы их поддержим, безусловно.

Тов. Альтман: Как Вы думаете, не следовало бы организовать выставку "30-летие советского плаката"?

Тов. Поволоцкая: Я думаю, что такую выставку надо уже организовать. Это будет замечательная выставка, потому что на ней будет показана вся история советской власти. Это будет наглядное пособие по истории советской власти. Я считаю очень большим недостатком Плакатной секции МОССХа то, что она не добилась выставки там плаката. Наши товарищи участвуют там только в виде рисунка.

Относительно плана. План должен быть. Мне дали, скажем, план 150–200 плакатов. Исходя из этого я составила план на 1938 год. Теперь приходят ко мне из "ИЗОГИЗа" и говорят: пиши план на 100 плакатов или же пиши, какие плакаты первоочередные, а какие второочередные. Я думаю, что в данном случае к составлению плана подошли совершенно формально, руководствуясь бумажными лимитами. Решили, что бумаги будет меньше и потому предложили уменьшить количество плакатов⁹²¹.

⁹²⁰ До Великой Отечественной войны в качестве данного однодневного дома отдыха использовались дворец (построен в середине XVIII в.) и обширный парк бывшей усадьбы Долгоруких и Юсуповых (известна под названием *Мамонова Дача*). Расположена между Воробьевским шоссе и Москвой-рекой, входила своей прибрежной стороной в состав Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, но была отделена от него Окружной железной дорогой. После войны перешла в ведение Академии наук СССР. (См. также примеч. 471).

⁹²¹ Если во время НЭПа бумажное производство в СССР переживало стадию подъема, то после 1930 произошел спад. Несмотря на создание в 1929 г. специальной организации для проектирования и возведения новых предприятий – *Бумстрой*, намеченные первой пятилеткой планы остались невыполненными, продолжалась закупка бумаги на валюту за границей. Маневрируя ресурсами, правительство удерживало строгие лимиты на потребление бумаги, основные запасы которой шли на печатание газет, журналов, книг (главным образом политического содержания), школьных учебников и тетрадей; даже выпуск плакатов, как видим, часто зависел от лимитов на бумагу. Данной отрасли промышленности был посвящен ряд постановлений ЦК ВКП (б), однако к началу третьей пятилетки до удовлетворения спроса в бумаге было очень далеко – в СССР её потребление на душу населения составляло 4,9 кг в год, а в Германии – 33 кг, Англии – 37, в США – 64 кг. (См.: *Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941*. М., 1988. С. 72–81).

Тов. Альтман к тов. Малкину: Мне известно, что в связи с выборами в Верховный Совет будет производиться кой-какая переброска бумаги. Это не менее важно, чем инструкция, чем агитационная листовка и т.д.

Тов. Малкин: У нас, по-видимому, через пять–семь дней будет готово около 20 плакатов. Они составят агитационный избирательный фонд основной, и нам дадут резервную бумагу.

Тов. Альтман: Я думаю, что мы в порядке общественности должны писать в соответствующие директивные инстанции и вырвать еще некоторое количество бумаги.

Тов. Малкин: Дело в том, что нам не удалось достать достаточно квалифицированной редакции⁹²². После исторического постановления 31 года к этому делу было большое уважение. Надо учесть ту разницу, которая существует между нашим редактором и, скажем, редактором "Партиздата". Потому что редактор "Партиздата" может поправить текст и всё, а наш редактор не может просто зачеркнуть только в тексте. Поэтому таких редакторов очень мало. У нас он полгода должен поработать, познакомиться с художником.

Тов. Альтман: Из-за того, что у вас нет постоянного политического редактора, получается целый ряд неувязок.

Тов. Малкин: <...> В нашем деле сыграло большую роль то обстоятельство, что "Правда" в свое время печатала наши плакаты. Нам раньше всегда звонили по телефону из "Правды" с просьбой прислать новые плакаты. "Правда" помещала ежедневно фотоснимки плаката. Было бы очень интересно, если бы лучшие плакаты в связи с избирательной кампанией помещались бы на страницах газет. <...>

В газете "Советское искусство" очень большая "хроника". Я берусь без ущерба для газеты выкраивать в каждом номере 30 строк для сообщений о том, что вышли плакаты таких-то художников. Такая изохроника была бы очень полезна.

<...> Тов. Кравченко: Я хотела возразить тем, которые всю вину возлагали на "ИЗОГИЗ". Я хотела упомянуть о нашем вузе – Институте изоискусств. Этот институт не дает совершенно кадров плакатистов. В прошлом году не было совсем выпуска, перед этим – два человека и т.д. Первым делом, надо обратить внимание на этот вуз. Второй вопрос – к Вам, тов. Альтман. С Вашей газетой у нас были большие недоразумения. "ИЗОГИЗ" провел премирование лучших плакатистов за прошлый год. Может быть, они были не абсолютно хорошие, чтобы люди знали об этом, но Вы отказались поместить даже несколько строк об этом. В другой раз Вы отказались поместить наш отчет. Такое отношение прессы художников дезориентирует. Недавно ... сказал мне, что он поместит статью о плакате, но только ругательного характера и т.д. Пресса, вуз и МОССХ сделали всё, чтобы развалить плакатное дело.

⁹²² Так в тексте. Речь же идет о редакторах.

Я считаю неправильной постановкой вопроса наименование "художники-плакати́сты". Плакати́ст должен быть и живописцем, владеть рисунком. Часто приходят люди и говорят: мы художники-плакати́сты, а на самом деле не умеют рисовать как следует.

<...> Мне, как искусствоведу, кажется, что тематика плаката стала гораздо более сложной, мы требуем более сложного образа от плаката.

Большой недостаток сегодняшнего совещания, что здесь не развешаны плакаты. Я хотела бы закончить свое выступление очень кратким перечислением тех плакатов, которые мы считаем удачей "ИЗОГИЗа" и художника. Если разрешите, я эти плакаты перечислю: Каневский – "Дуракам закон не писан", иллюстрация к словам тов. Сталина⁹²³. Мы считаем, что художник нашел острую техническую форму. Плакат решен четко и лаконично. Хорошо использован цвет, но есть недостаток – мелкие фигуры.

(Зачитывает список плакатов). Так что сказать, что все плакаты плохи – нельзя.

Тов. Кокорекин: Мне хочется заострить вопрос вот на чем. Здесь занимались тем, что били "ИЗОГИЗ", МОССХ и т.д. Тов. Кравченко наоборот "ИЗОГИЗ" крыть совсем не хочет. Я могу привести дословно сказанную ею фразу: "Пресса, вуз и МОССХ сделали всё, чтобы развалить плакатное дело".

Я думаю, что в первую очередь развалил плакат "ИЗОГИЗ". Как должен он работать, чтобы не разваливать плакат? Тов. Альтман здесь упоминал о маяковщине и о переживании редактором вместе с художником материала. Товарищи, работающие над плакатом, до сих пор не выявили, почему плох плакат. Но на сегодняшнем совещании это проскользнуло и надо нитку эту тянуть. Мы говорим о злободневности плакатов, о политической заостренности и т.д. Не получается эта заостренность вот почему: если мы возьмем художников периода хорошего советского плаката – а советское искусство развилось из плаката, это были первые корни, которые неблагодарные живописцы забывают – то тогда художник был связан с концентрированной повседневной жизнью. Он выходил на улицу, видел, что где-то валится от взрыва стена, кого-то ведут на расстрел, вообще идет большая боевая работа. Художник всё это видел, переживал, в то время рождались глубокие мысли, связанные с субъективными переживаниями. А сейчас? Был ли хоть один художник на отлете АНТ–25, на встрече героев и т.д.? И никто не беспокоился, чтобы он там был.

"ИЗОГИЗ" не дает командировок, не дает отпусков и т.д. Мне кажется, что в "ИЗОГИЗе" художник – это гражданин второго сорта, имеющий право на кабальный труд, но не имеющий права на отдых. Это основная причина.

⁹²³ Имеются в виду слова И.В. Сталина в докладе на VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. *О проекте Конституции Союза ССР*. Он зашутельски ругал тогда, в частности, германскую прессу за то, что она «задалась целью скрыть правду об СССР, ввести народ в заблуждение, обмануть его. <...> Но тогда им можно ответить словами известной русской поговорки: "Дуракам закон не писан". (Веселый смех, продолжительные аплодисменты)».

Почему плакаты бывают скверные? Редактор зовет к себе художника и предлагает в три дня, или, скажем, в две недели сделать плакат. Художник приносит эскиз, его бракуют. Он его несколько исправляет, и так несколько раз. И наконец плакат выходит малокровным, бледным. Ведь из пальца нельзя сосать до бесконечности. Нужно работать с художником так, чтобы он был постоянно наготове, как лошадь перед стартом. А у нас о нем никто не беспокоится. О том, кто работает – надо заботиться.

У меня был такой эпизод: в один прекрасный день я по почте получил брошюру "Конституция СССР". Думаю, кто прислал мне её? Оказывается, Горком графиков. Они подумали, что мне это может понадобиться, что, может быть, я её еще не читал. Разве "ИЗОГИЗ" позаботится когда-нибудь сделать лишнюю выписку и прислать её для прочтения. Ведь отпечатать лишний экземпляр не так трудно.

Что у нас делается с критической печатью. Я на улице свой плакат не вижу. Я иногда подойду к группе людей и тайком подслушаю, что говорят про меня. У меня был один плакат, который в "ИЗОГИЗе" признали хорошим, но я узнал об этом через третье лицо. Получается какая-то отчужденность общественного отношения к тебе, и выходит, что плакат – твое личное дело. В конце концов тебя убивают невниманием, безразличием к твоей судьбе. Убивают тем, что в "ИЗОГИЗе" тебя не считают за специалиста. Меньше всего слушают тебя, потому что считают, что ты являешься пристрастным человеком. Мне кажется, что плакат не продвигается с места до сих пор, пока к художнику не будет серьезного отношения. <...>

Тов. Смоляк: Мне не пришлось сделать в "ИЗОГИЗе" ни одного плаката. Этот участок абсолютно заброшен. <Он> исключительно предоставлен только коммерческими делами, несмотря на то, что он выпускается в тысячах экземплярах, на плакаты смотрят миллионы людей. Только коммерческий директор занимается этим делом. Плакат откатился исключительно к иллюстративной части, потому что иллюстрация там рассматривается с точки зрения коммерции кассы. Там говорят: "кассовый плакат" или "некассовый плакат". За хороший "кассовый" плакат заплатят 900 рублей, а за "некассовый" – 600 рублей. Там кадры художников совершенно случайные. Я уже два года как не делал плаката. Мне кажется, что этот участок работы для "Советского искусства" также представляет интерес.

Недавно у меня был такой случай. Я сделал плакат на картину "Первая любовь"⁹²⁴. Надо сказать, что эта картина показывает страну, где подпольная коммунистка выслеживается фашистами и в конце концов она очутилась в тюрьме. <...> Я сделал плакат, изображающий её в тюрьме. <...> Плакат проходит, его отпечатали в 10 тыс. экземплярах, но потом заявляют, что плакат задержан. Я

⁹²⁴ Советский художественный фильм, снятый в 1934 г.

добивался долгое время, чтобы узнать в чем дело. Я получил странный ответ: "Вы знаете, нельзя изображать в плакате отрицательных типов".

Тов. Альтман: Чтобы не увеличивать симпатии к отрицательному типу. Неделю назад я снял в типографии тоже клише одного плаката. Я понял, что если пропущу этот плакат, тем самым я нанесу большой вред. Есть такая картина "На Дальнем Востоке"⁹²⁵. Там шпион Цой прислонился к партизану. Подпись под плакатом: "«На Дальнем Востоке». Кадр из фильма. На рисунке шпион и партизан". Я тут же всех созвал и рассказал неправильность этого дела и указал на случай некритического подхода. Будучи вырван из фильма, этот кадр стал статическим и получилось так, что шпион прислонился к груди партизана и они оказались неразлучными друзьями. Подпись одна чего стоит: "Шпион и партизан". Выходит, что либо шпион зря оклеветан, либо партизан дружит со шпионом. Если бы я его поместил, я бы сделал вредное дело. Не этот кадр надо было взять, а другой.

Тов. Малкин: В прошлые годы тоже получались такие вещи. Хороший актер играл отрицательного типа и получался лучше положительного.

Тов. Смоляк: Как раз к этому плакату отнеслись не как к кассовому. "Знаете ли, этот плакат скорее относится к "ИЗОГИЗу", – мне сказали. Мне предложили только написать на плакате не "первая любовь", "а положение женщины на Западе". <...> После этой работы я сразу почувствовал, что я работаю не в стиле "ИЗОГИЗа". Это было, кажется, в 1935 году – тов. Иоффе мне предложил сделать учебно-инструкторский плакат. Как я мог взяться за такое дело, когда я являюсь работником в области киноплаката. Естественно, что я этой работы не взял. На этом закончились мои хождения к "ИЗОГИЗу".

Я думаю, что все-таки в отношении кадров "ИЗОГИЗ" не совсем внимателен. У меня было стремление пойти работать в "ИЗОГИЗ". Я чувствовал, что тут можно больше пользы принести, чем в кино, но невнимательное отношение ко мне со стороны "ИЗОГИЗа" привело к тому, что я не стал больше к вам ходить.

Я недавно вернулся из деревни, где я провел два месяца. Я видел в деревне последние выпуски плакатов "ИЗОГИЗа". Вы знаете, что в избах вместо обоев стены оклеены плакатами "ИЗОГИЗа". Там мы видим массовое увлечение плакатами и плакаты делаются украшением деревенского жилья. Этот плакат висит годами у колхозников.

Мое пожелание заключается в том, чтобы "ИЗОГИЗ" относился повнимательнее к художникам.

Тов. Игнатова: Тут все выступающие отталкивались от статьи. Я считаю, что это замечательно, хотя статья не совсем удачная. Замечательно то обстоятельство, что наши люди (не только художники) поняли значение плаката. Я

⁹²⁵ Художественный фильм, снятый в 1937 г. на киностудии *Мосфильм*.

лично приветствую начинание редакции "Советского искусства", хотя это начинание для нас не совсем приятное, когда мы начинаем с такой статьи. У "ИЗОГИЗа" есть много недостатков, много грехов, за которые он должен ответить, и поэтому я вообще об этих грехах хочу сказать.

Нашим основным недостатком является то, что мы не работаем с художниками. Надо сказать, что мы работаем только с отдельными художниками, которых мы используем на данном плакате. Когда нам нужен, <например,> Караченцов для того, чтобы он нам дал такой-то плакат, мы с ним работаем, но постоянной работы с художником нет. <...> Конечно, той работы, которая от нас требуется, мы не ведем. Мы должны в этом признаться и первым пунктом в будущих мероприятиях мы должны это записать.

Большим недостатком является несвоевременный выход плакатов. После выхода плаката художник его видит только через три месяца, а зритель – через полгода. К 20-й годовщине Октября мы имеем напечатанным только один плакат. Такое положение является явно нетерпимым. Мы над каждым плакатом сидим три месяца.

Тот вопрос, который здесь был в конце скромно поставлен, нужно превратить в большой политически важный вопрос. Это о создании "ИЗОГИЗом" собственной полиграфической базы. Красочный комбинат должен обслуживать прежде всего "ИЗОГИЗ", но строится ОГИЗом. Только одному человеку известна строительная площадка, где строится комбинат⁹²⁶. И оттуда надо выселить еще пятьсот человек жильцов. Мы ставили вопрос о том, что нам нужно передать строительство комбината. Но, видимо, недостаточно остро этот вопрос ставили. Будем просить газету помочь нам в этом деле. Строительство комбината должно было быть закончено в 1938 году, но его не закончили. <...>

Опять-таки мы должны создать студию для тех художников, которые у нас работают. Нам очень трудно в смысле помещений. Я думаю, что если вы нам поможете получить помещение в ваших домах на Масловке⁹²⁷, мы там устроим

⁹²⁶ Строительство комбината художественно-репродукционной печати намечалось в Москве на Ярославском шоссе (см.: *Большевицкая печать*. 1936. ¹ 10). Его планировалось закончить в 1938 г., позже – в 1940 г.

⁹²⁷ На улице Верхняя Масловка в Москве на бывшем пустыре давно сгоревшей киностудии А. Ханжонкова в 1930-х–1950-х гг. сложился так называемый *городок художников*, состоящий из нескольких зданий. Первое из них, в котором расположились коммунальные квартиры и мастерские 130 художников, было построено в 1930 г. С 1934 г. для живописцев и скульпторов – членов МОССХ по проекту архитектора В.Ф. Кринского велось строительство нового огромного дома, он был отстроен и заселен в 1938 г. «*Растет из года в год "Московский Монпарнас" – "Городок художников"*», – сообщал об этом событии журнал *"Творчество"*. – <...> *Первое, что в нем замечательно, – это огромные светлые, построенные по последнему слову строительной техники, мастерские. Затем квартиры. Удобные, светлые, чистые, благоустроенные*. Назовем лишь немногих художников из тех, которые жили и работали здесь в 1930-х–1940-х гг.: А.П. Бубнов, М.А. Ворон, С.В. Герасимов, А.А. Дейнека, Б.В. Иогансон, А.М. Каневский, Е.А. Кибрик, Ф.К. Лехт, Г.Г. Нисский, А.М. Нюрнберг, Ю.И. Пименов, А.А. Пластов, П.Д. Покаржевский, Н.М. Ромадин, Г.Г. Ряжский, В.С. Сварог, П.П. Соколов-Скаля, В.Е. Татлин, В.А. Фаворский, Д.П. Штеренберг, П.М. Шухмин и др.

студию. Я для партийных наглядных пособий создала мастерскую, где работает пять человек. Но это не идеал, так как есть художники, которые любят творить так, чтобы им никто не мешал.

Я хотела бы сказать в отношении Плакатной секции МОССХа. Самое оригинальное, что статья подписана Моором и Сенькиным. Моор до этого ведал Плакатной секцией МОССХа, а теперь Сенькин ведает, но он совершенно забывает, что это его участок работы. Вы нас обвиняете в том, что не ведется творческой работы с художниками. Когда я с Вами совсем недавно познакомилась, я сказала: "Товарищ Сенькин, приходите к нам, нам вместе надо работать". Но Вы обещали и не пришли. А сейчас уже август. Надо же начинать работать. Я считаю, что Вы и Моор нехорошо поступили и немножко нас подвели. <...>

Я считаю, что это имеет колоссальное значение для художника, когда он не видит страны. Поэтому мы должны обеспечить художникам эту возможность.

Теперь, оплата тиражей. Я считаю, что этот вопрос правильно поставить в ноябре, когда тиражи надо будет пересматривать. <...>

И еще одному делу художники-плакатысты не придают значения. У нас плакат приобретает сейчас значение не только уличного, но и для помещения. О создании плаката небольшого формата, в виде лубка, целесообразно поднять вопрос в прессе.

Если мы будем организовывать командировки, добьемся студии, то мы разрешим некоторые вопросы, которые помогут работать художникам. <...>⁹²⁸

РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 958. Л. 1–37.

⁹²⁸ 17 августа 1937 г. *Советское искусство* опубликовало подробный (на четверть полосы) отчет о данном совещании за подписью А. Кута.